

А 155
728

Положеніе высшихъ учебныхъ заведеній въ связи съ вопросомъ о митингахъ.

Докладъ 3-му делегатскому съѣзду академическаго союза.

Какъ извѣстно, 3 января въ газетахъ опубликовано извѣщеніе Совѣта Министровъ, что «вышія учебныя заведенія, въ которыхъ прерваны учебныя занятія, будутъ оставлены закрытыми на второй семестръ 190⁵/₆ года съ тѣмъ что, въ случаѣ возбужденія Совѣтами оныхъ ходатайствъ о возобновленіи въ нихъ занятій, таковыя ходатайства будутъ подлежать каждый разъ особому обсужденію правительства».

Такая постановка дѣла въ скоромъ времени заставитъ Совѣты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній заняться разрѣшеніемъ вопроса о томъ, составлять ли постановленія о возобновленіи занятій и открытіи учебныхъ заведеній.

Вопросъ этотъ всѣми Совѣтами будетъ разрѣшаться въ связи съ тѣми обстоятельствами, которыя были причиною закрытія учебныхъ заведеній, т. е. въ связи съ вопросомъ о митингахъ, происходившихъ до 18 октября въ учебныхъ заведеніяхъ.

Освѣщенія этихъ вопросовъ въ литературѣ пока почти не было; мнѣ извѣстны только три статьи, касающіяся вопроса о митингахъ. Одна изъ нихъ, напечатанная въ журналѣ «Право» № 40 принадлежитъ профессору Н. А. Гредескулу и въ ней онъ находитъ, что высшія учебныя заведенія надо сохранить какъ таковыя, а завоеваніе права собраній и митинговъ направить болѣе прямымъ путемъ на общія помѣщенія.

Въ концѣ октября въ «Сынѣ Отечества» появилась статья профессора Горнаго Института Н. Яковлева—«Смыслъ закрытія высшихъ учебныхъ заведеній»,—въ которой не достаточно ясно разобранъ вопросъ о митингахъ, бывшихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прочитавъ эту статью, незнакомые съ дѣломъ люди могутъ вынести впечатлѣніе, что на митингахъ

участвовали одни студенты, и во всякомъ случаѣ не въ состояніи будутъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Во второй замѣткѣ профессора Яковлева, появившейся въ газетѣ «Молва» отъ 1 января 1906 года, заключаются такіе же недомолвки; такъ, напр., авторъ говоритъ, что «учебныя заведенія были закрыты послѣ 17 октября, въ такое время, когда въ нихъ начались и пошли учебныя занятія ничуть не хуже чѣмъ въ среднемъ за послѣдніе годы».

Въ настоящемъ докладѣ я постараюсь выяснитъ дѣло такъ, какъ я его понимаю. Напередъ оговариваюсь, что все то, что я скажу ниже о митингахъ и о настоящемъ положеніи высшихъ учебныхъ заведеній, есть мое личное мнѣніе, а не коллективное мнѣніе какой-либо группы лицъ.

На сколько мнѣ извѣстно, еще лѣтомъ настоящаго года въ издаваемомъ за границу органѣ русской социаль-демократіи, «Искрѣ», появилась статья, приглашавшая русскихъ студентовъ превратить учебныя заведенія въ помѣщенія для митинговъ; и устроить это дѣло такъ, чтобы тамъ, гдѣ раздавалась мѣрная рѣчь профессора, отнынѣ звучалъ какъ колоколъ голосъ революціонера и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ преподавалась одна наука, наука революціи.

Программа эта, какъ извѣстно, не была выполнена буквально. Съ начала учебнаго года почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга начались сходки студентовъ, въ резолюціяхъ которыхъ вышеприведенная формула повторялась на разные лады, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ большинствѣ резолюцій признавалось, что на ряду съ наукою революціи могутъ преподаваться и другія науки.

Поэтому въ началѣ учебнаго года въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, за исключеніемъ женскаго медицинскаго Института и можетъ быть двухъ, трехъ другихъ, занятія шли почти нормальнымъ ходомъ, но рядомъ съ занятіями, въ неучебное время, происходили сходки, въ которыхъ принимали участіе преимущественно студенты, съ небольшимъ числомъ постороннихъ лицъ. Послѣ этого перваго періода начался второй, когда на митингахъ получило преобладаніе посторонніе лица, преимущественно рабочіе. Въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ митинги проходили разное, при разномъ числѣ участниковъ, и разное было отношеніе Совѣтовъ къ митингамъ. Такъ,

напр., въ Политехническомъ Институтѣ число участниковъ митинговъ въ началѣ, да и позже, не превышало 1000—2000 человекъ и происходили они долгое время въ столовыхъ общеджитіяхъ; только въ октябрѣ состоялись одинъ или два митинга въ актовомъ залѣ. Съ другой стороны на первомъ же митингѣ на курсахъ проф. Лесгафта участвовало не менѣе 10000 человекъ; я еще живо помню нравственное состояніе нѣсколькихъ отвѣтственныхъ лицъ учебной администраціи во время и на другой день послѣ многочисленныхъ митинговъ. Тогда они еще не привыкли къ митингамъ и еще испытывали чувство безпокойства за то море людей, которое наполняло высшіе учебныя заведенія. Позже у нихъ это чувство притупилось.

Всѣ эти отвѣтственные лица въ то время сознавали, что митинговое движеніе стихійно, что противодействовать ему нельзя, такъ какъ нельзя же призывать полицію для того, чтобы противодействовать образованію митинга. Въ то время не было еще опубликовано никакого закона о собраніяхъ—но и послѣ появленія неудовлетворительнаго закона, многія лица учебной администраціи не чувствовали за собою нравственнаго права препятствовать митингамъ, такъ какъ они не могли не смотрѣть на нихъ, какъ на необходимый, вызванный отсутствіемъ соответственныхъ законовъ, захватъ права собраній.

Такое отношеніе къ митингамъ вылилось и въ первой резолюціи Петербургскаго отдѣла академическаго союза о митингахъ. Эта резолюція гласитъ что, при имѣвшихъ тогда мѣсто политическихъ условіяхъ, нельзя противодействовать митингамъ и слѣдуетъ лишь стараться о томъ, чтобы они не препятствовали учебнымъ занятіямъ. Какъ извѣстно, въ то время отношенія полицейскихъ властей къ митингамъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было слѣдующее: онѣ рассматривали автономныя учебныя заведенія какъ экстерриториальныя учрежденія, какъ счастливыя острова, на которыхъ допускалось все то, что въ другихъ мѣстахъ преслѣдовалось при помощи казачьихъ нагаекъ. Когда на одномъ изъ митинговъ въ университетѣ часть митинга, за недостаткомъ помѣщенія, должна была перейти во дворъ, то собравшіеся серьезно спрашивали: «автономенъ ли дворъ университета» и не грозитъ ли во дворѣ нашествіе полиціи?

Во время описываемаго періода митинговъ сперва назначали митинги сами студенты, но затѣмъ организація митинговъ была

вырвана даже изъ рукъ студентовъ. Митинги въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ назначались къмъ угодно, — совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, союзомъ союзовъ, делегатскимъ съѣздомъ желѣзнодорожниковъ, — и не было уже больше лица или учрежденія, являвшагося хозяиномъ помѣщенія. Университетъ всегда, въ любой день послѣ двухъ часовъ, долженъ былъ принять въ свои стѣны митингъ, назначенный къмъ-либо, сдѣлавшимъ о томъ объявленіе въ газетахъ.

Особенно многолюдны были митинги въ Университетѣ и Технологическомъ Институтѣ; на сколько извѣстно, въ Университетѣ число участниковъ доходило до 25.000 лицъ. Но и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ митинги были очень многолюдны: въ Институтѣ инженеровъ п. с. на митингѣ, бывшемъ 14 октября, швейцары насчитали 11.200 участниковъ.

Внѣшняя сторона митинговъ была организована въ общемъ недурно: на послѣднихъ митингахъ въ Технологическомъ Институтѣ и Университетѣ актовъ залъ былъ разбитъ на квадраты шеренгами студентовъ, такъ что толпа, находившаяся въ каждомъ квадратѣ, могла быть остановлена въ случаѣ паники (а такіе случаи бывали не разъ). По лѣстницамъ стояли цѣпи студентовъ.

Но, несмотря на недурную организацію, слѣдуетъ прийти къ заключенію, что на митингахъ не было человѣческихъ жертвъ отъ паники, пожара, порчи электрическаго освѣщенія и пр. только благодаря счастливой случайности. Какъ извѣстно, многія учебныя заведенія Петербурга помѣщаются въ старыхъ зданіяхъ съ тѣсными корридорами и лѣстницами, многія залы имѣютъ только одинъ выходъ и пр. Все это увеличивало опасность. Горному Институту удавалось отклонять митинги отъ помѣщеній Института только указаніемъ на опасность, грозившую отъ провала половъ.

15 октября полицейская власть уничтожила экстерриториальность учебныхъ заведеній, заняла входы полиціей и прекратила въ учебныхъ заведеніяхъ какъ учебныя занятія, такъ и митинги. Я долженъ сказать, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ занятія продолжались до этого срока почти нормальнымъ ходомъ; напр. еще 13 октября въ Политехническомъ Институтѣ аудиторіи были полны слушателей, а также шли всѣ практическія занятія студентовъ.

Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ въ октябрѣ уже не было

рѣчи о правильныхъ занятіяхъ, а въ послѣдніе дни передъ 15 октября Технологическій Институтъ и Университетъ были заняты митингами съ утра до вечера.

При закрытіи учебныхъ заведеній полицейская власть, конечно, руководствовалась не соображеніями о безопасности участниковъ митинговъ, а соображеніями относительно содержанія произносившихся на нихъ рѣчей, несомнѣнно способствовавшихъ революціонизированію массъ.

Съ вечера 17-го октября полицейская охрана высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга была снята и на слѣдующій день вновь происходили митинги въ Университетѣ и нѣсколькихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но 19 октября всѣ учебныя заведенія вновь были закрыты, уже распоряженіемъ Совѣта Министровъ, и входы въ нихъ стали охраняться солдатами.

Послѣ закрытія учебныхъ заведеній я замѣтилъ въ средѣ учебнаго начальства нѣсколько смѣшанныя чувства: съ одной стороны слышался протестъ противъ закрытія, погубившій вмѣстѣ съ митингами и просвѣщеніе, но съ другой стороны ясно было и чувство облегченія, особенно послѣ 20 Октября, когда стало возможнымъ и нападеніе черносотенныхъ элементовъ на учебныя заведенія.

Эти смѣшанныя чувства отразились и на резолюціи Петербургскаго отдѣла академическаго союза, принятой въ собраніи 23 Октября: въ ней академическій союзъ протестовалъ противъ закрытія, но не выступилъ съ категорическимъ требованіемъ открытія учебныхъ заведеній. Этой резолюціей Петербургскій отдѣлъ академическаго союза занялъ нѣсколько неопредѣленное положеніе, которое онъ сохранилъ и до настоящаго времени, такъ какъ послѣ 23 Октября не было созываемо общихъ собраній.

Слѣдуетъ замѣтить, что академическій союзъ въ его цѣломъ занимаетъ относительно митинговъ еще болѣе неопредѣленное положеніе, такъ какъ, напримѣръ, отношеніе Московскаго отдѣла союза къ митингамъ прямо противоположно отношенію Петербургскаго отдѣла. Въ Петербургѣ, какъ мы уже видѣли, общія собранія союза высказывались рѣшительно въ томъ смыслѣ, что митингамъ нельзя противодействовать и нельзя закрывать изъ за нихъ учебныхъ заведеній, а общее собраніе членовъ союза, бывшее въ октябрѣ, въ Москвѣ, столь же рѣшительно высказалось въ томъ смыслѣ, что митинги не желательны.

Вслѣдствіе этого и получился тотъ внѣшній результатъ, что въ Петербургѣ учебныя заведенія были закрыты внѣшнею властью, а въ Москвѣ—самими учебными начальствами.

На первый взглядъ можетъ показаться необыкновенно страннымъ разное отношеніе къ митингамъ въ Москвѣ и Петербургѣ членовъ одного и того же союза, людей одинаковаго образа мыслей, одушевленныхъ одинаковыми стремленіями.

Неужели московскіе профессора—члены союза нашли митинги нежелательными, неужели они боролись противъ митинговъ въ Московскомъ университетѣ только потому, что они дѣйствительно заслуживали кличку «аэинскихъ совѣ съ Моховой», которой окрестила ихъ одна Петербургская газета.

Очевидно—дѣло во внѣшнихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ митинги въ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ одной стороны Московская администрація повидимому относилась къ митингамъ гораздо менѣе терпимо, чѣмъ Петербургская, и менѣе признавала экстерриториальность учебныхъ заведеній; уже во время перваго большого митинга въ Московскомъ университетѣ учебное начальство имѣло полное основаніе опасаться конфликта между участниками митинга и мобилизованными войсками и полиціей—съ другой стороны на митингахъ вѣроятно меньше поддерживался внѣшній порядокъ и сами митинги протекали бурнѣе; кромѣ того повидимому Московское черносотенное населеніе,—напримѣръ, прикащики сосѣдняго съ университетомъ Охотнаго ряда, съ самаго начала относились къ митингамъ враждебно. Какъ извѣстно, въ Москвѣ имѣли мѣсто такія явленія, которыя остались вполнѣ неизвѣстными Петербургу: захватъ вооруженными студентами части университетскихъ зданій, дежурство студенческой дружины на одной сторонѣ улицы и охотнєрядской дружины на другой и пр.

Отличіе положенія дѣлъ въ Москвѣ отъ положенія дѣлъ въ Петербургѣ лучше всего выясняется слѣдующимъ описаніемъ происходившаго 26—24 Октября въ Московскомъ инженерномъ училищѣ.

«Вечеромъ 21 октября къ воротамъ училища подошла толпа чловѣкъ въ 200, которая желала проникнуть черезъ ворота во дворъ. Студенты не допускали ихъ, вслѣдствіе чего завязались между обѣими сторонами пререканія, кончившіяся тѣмъ, что со стороны толпы полетѣли камни, а со стороны студентовъ раздались выстрѣлы. Камнями были разбиты окна въ жиломъ

флигелѣ, а выстрѣлами были ранены четверо изъ толпы и въ каретахъ скорой помощи увезены въ больницы. Послѣ этого студенты на всю ночь организовали вооруженную охрану всего училища, установивъ кругомъ патрули.

«Совѣтская Коммиссія въ видахъ огражденія студентовъ и училища отъ дальнѣйшихъ посягательствъ со стороны толпы, обратилась къ Градоначальнику съ просьбой вызвать войсковыя части. Объ этомъ было сообщено студентамъ, и такъ какъ студенты рѣшили сами временно прекратить митинги, то Коммиссія надѣялась, что и студенты пойдутъ навстрѣчу мнѣнію Коммиссіи.

«Директоръ былъ приглашенъ студентами на студенческую сходку, на которой онъ объяснилъ положеніе дѣла. Рѣшеніе призвать войска было встрѣчено сходкою крайне непріязненно, и сходка вынесла резолюцію: «Просить Коммиссію отмѣнить свое рѣшеніе».

«Въ виду сего Коммиссія обратилась къ Градоначальнику съ просьбою отозвать войска обратно, что и было исполнено. Ночью студенты вновь сами охраняли Училище и никакихъ серьезныхъ инцидентовъ не было.

«23-го утромъ въ 8 час. долженъ былъ состояться митингъ офиціантовъ, о которомъ было неизвѣстно кѣмъ объявлено во всѣхъ газетахъ, и митингъ служащихъ Брестской дороги. Число явившихся на первый митингъ превзошло всякіе разсчеты (до 10 тысячъ). Поэтому Директоръ училища обратился къ студенческому комитету съ просьбой прекратить митингъ возможно скорѣе, и комитетомъ были приняты къ этому всѣ мѣры. Митингъ окончился мирно, и къ 1 часу дня офиціанты разошлись, митингъ же служащихъ Брестской дороги (около 500 чловѣкъ) еще продолжался.

«Немного позже часа дня послышались крики «ура» со стороны Марьиной Рожи; то была грандіозная манифестация въ нѣсколько тысячъ чловѣкъ. Вскорѣ мимо воротъ училища прошла голова процессіи и наиболѣе густая ея часть съ большимъ національнымъ знаменемъ (болѣе 5 тысячъ чловѣкъ); пѣніе и крики ура были слышны черезъ закрытыя окна.

«Отставшія отъ толпы небольшія кучки людей не шли дальше, а стали группироваться сначала у воротъ, а затѣмъ и у всей рѣшетки уличнаго забора. Одни стали раскачивать ворота, желая вломиться во дворъ училища, другіе бросали камни,

причемъ почти всѣ окна механической лабораторіи и жилого флигеля были побиты.

«Нѣсколько студентовъ стало стрѣлять, но большею частью вверхъ. Наконецъ, когда нѣкоторые изъ толпы стали перелѣзть черезъ заборъ у южнаго его конца, молодые люди гурьбою (человѣкъ 15) выбѣжали изъ дверей училища, и началась безпорядочная стрѣльба, послѣ которой толпа разсѣялась, оставивъ трехъ человѣкъ убитыми и одного раненаго. Раненый и убитые были тотчасъ же подобраны студентами, выбѣжавшими на улицу. Кромѣ того, какъ оказалось, еще 10 раненыхъ было доставлено въ ближайшія больницы.

«Директоръ тотчасъ же сдѣлалъ по телефону распоряженіе приставу — оградить Бахметьевскую улицу съ двухъ сторонъ имѣвшимися въ его распоряженіи войсковыми частями (казаками). Одновременно съ этимъ Директоръ по телефону просилъ Градоначальника о немедленной высылкѣ пѣхоты для огражденія училища. Студенты дали слово войскамъ не препятствовать.

«Въ шестомъ часу вечера пришла рота солдатъ гренадерскаго Самогитскаго полка, которая была введена во дворъ училища. Она расположена въ сторонѣ отъ проѣзда около химической лабораторіи. Затѣмъ, когда выяснилось, что на улицѣ сравнительно спокойно, то былъ установленъ подъ личнымъ наблюдениемъ Директора выпускъ изъ зданія училища студентовъ и желѣзнодорожниковъ по два и по три человѣка.

«Войска затѣмъ были введены въ зданіе училища. Вокругъ училища были разставлены караулы. Ночь прошла спокойно. На другой день всѣ студенты выѣхали изъ Общежитія училища. Постановленіемъ Совѣта Училища закрыто до 16-го января 1906 года».

Конечно, отношеніе Московскаго отдѣла союза къ митингамъ опредѣлилось на общемъ собраніи членовъ гораздо ранѣе описанныхъ событій, но едва ли тутъ играли роль одни принципиальныя соображенія; вѣроятно, члены союза уже тогда предвидѣли возможность агрессивныхъ дѣйствій толпы противъ учебныхъ заведеній, что и привело ихъ къ заявленію о нежелательности митинговъ.

Причины закрытія Московскихъ учебныхъ заведеній самими учебными начальствами во всякомъ случаѣ достаточно ясны изъ приведеннаго описанія условій, при которыхъ было закрыто Московское инженерное училище. Разное отношеніе Петербург-

скаго и Московскаго отдѣловъ союза къ вопросу о митингахъ, можетъ быть объяснено исключительно разными мѣстными обстоятельствами, которыя впрочемъ играютъ роль и при сравненіи разныхъ учебныхъ заведеній Петербурга. Въ этомъ, между прочимъ, убѣждаютъ появившіяся въ послѣдніе дни, въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, интервью съ директорами Петербургскихъ учебныхъ заведеній, по вопросу о томъ, признаютъ ли они возможнымъ открытіе высшихъ учебныхъ заведеній съ января. Противъ открытія высказались ректоръ Петербургскаго университета и директора Технологическаго и Политехническаго институтовъ, т. е. начальники тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ были особенно многолюдные митинги, имѣли мѣсто или угрожали конфликты съ вышшею властью. За открытіе же высказались директоръ женскаго Медицинскаго института и Высшихъ женскихъ курсовъ т. е. двухъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ не было особенно многолюдныхъ митинговъ и не было никакихъ конфликтовъ.

Какъ бы то ни было, къ концу октября всѣ учебныя заведенія Петербурга были закрыты вышшею властью, а Москвы — учебнымъ начальствомъ. Во всѣхъ другихъ университетскихъ городахъ произошло примѣрно то же: высшія учебныя заведенія были закрыты. Только Киевскій Политехническій институтъ былъ, повидимому, открытъ до половины ноября, причемъ до этого времени занятія продолжались, но по вечерамъ происходили митинги съ небольшимъ числомъ участниковъ — не свыше 400 человѣкъ.

Было ли предпринято въ Москвѣ что либо съ цѣлью возобновленія занятій и открытія учебныхъ заведеній, я не знаю. Въ Петербургѣ же такіе шаги были сдѣланы, хотя и безуспѣшно.

Какъ извѣстно, въ началѣ ноября ректоръ Университета составилъ совѣщаніе директоровъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ которомъ позже принимали участіе какъ директора, такъ и особые представители, выбранные Совѣтами высшихъ учебныхъ заведеній. По почину этого совѣщанія, совѣты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній составили постановленія, въ которыхъ указывалось на необходимость открытія Правительствомъ и городскимъ Управленіемъ въ разныхъ частяхъ города особыхъ помѣщеній для митинговъ, съ цѣлью вынесенія ихъ изъ учебныхъ заведеній. Эти постановленія были доложены директорами соответственнымъ Министрамъ съ ходатайствомъ

объ открытіи учебныхъ заведеній; ходатайства подкрѣпились соображеніемъ о томъ, что послѣ 17 октября митинги рѣже будутъ созываться въ учебныхъ заведеніяхъ, а если будутъ созываться, то будутъ происходить въ болѣе приемлемыхъ для Правительства формахъ.

Ходатайства эти, какъ извѣстно, успѣха не имѣли, если не считать успѣхомъ отводъ городскимъ Управленіемъ для митинговъ дома трудолюбія на Никольской площади и одного помѣщенія въ Галерной гавани.

Вторая попытка въ этомъ отношеніи была сдѣлана послѣ доклада, сдѣланнаго мною 3 ноября въ засѣданіи бюро академическаго союза.

Я разсуждалъ тогда слѣдующимъ образомъ:

Бывшее правительство разсматривало учебныя заведенія какъ экстерриториальныя единицы и допускало въ нихъ митинги, ничѣмъ не ограничивая свободу слова. На митингахъ выступали только ораторы революціонныхъ партій, развивали революціонныя теоріи и призывали къ вооруженному восстанію.

Новое правительство, съ С. Ю. Витте во главѣ, при вступленіи во власть, застало учебныя заведенія уже закрытыми и митинги прѣкращенными. Надѣясь на успокоеніе населенія послѣ 17 октября, оно съ вечера 17 октября убрало войска и полицію, такъ что 18 октября во многихъ учебныхъ заведеніяхъ безпрепятственно происходили митинги. Однако, какъ извѣстно, 18 октября успокоенія не произошло, какъ по винѣ новаго Правительства, такъ и вслѣдствіе нетерпѣнія населенія. Митинги, бывшіе 18 октября, носили по прежнему революціонный характеръ. Поэтому новое Правительство, жаждавшее прежде всего успокоенія, 19 октября вновь поставило войска и полицію для охраны учебныхъ заведеній. Съ его точки зрѣнія просвѣщеніе должно было быть принесено въ жертву ради достиженія возможнаго успокоенія. Съ другой стороны революціонныя партіи не могли отказаться отъ возможности дальнѣйшаго революціонизированія рабочихъ массъ; имѣя одну эту цѣль, онѣ не находили полезнымъ жертвовать митингами ради просвѣщенія. Такимъ образомъ Правительство и крайнія партіи одинаково рѣшили погубить просвѣщеніе: первое ради успокоенія, а вторыя ради революціонизированія населенія. Правительство оказалось сильнѣе: оно поставило охрану и воспрепятствовало митингамъ.

Въ первое время были еще надежды на то, что для митин-

говъ найдутся въ городѣ другія помѣщенія, помимо учебныхъ заведеній, что городское населеніе привыкнетъ къ этимъ помѣщеніямъ и что тогда возможно будетъ открыть учебныя заведенія безъ опасенія, что они вновь будутъ заняты для митинговъ. Однако, эта надежда вскорѣ оказалась призрачною: Петербургъ такъ долго жилъ лишенный всякой общественности, что въ немъ почти нѣтъ частныхъ обширныхъ залъ, которыя могутъ быть утилизированы для митинговъ. Имѣющіяся залы всѣ заняты собраніями интеллигенціи и наемъ ихъ стоитъ дорого; Правительство же, опасаясь митинговъ, не предоставило для нихъ помѣщеній, находящихся въ его распоряженіи, какъ напр. Михайловскій манежъ.

Такимъ образомъ, при открытіи учебныхъ заведеній, они безъ сомнѣнія были бы вновь использованы для митинговъ, и можно было ожидать, что Правительство либо не откроетъ вовсе учебныхъ заведеній, либо вновь ихъ закроетъ послѣ новаго появленія митинговъ.

Между тѣмъ просвѣщеніе дѣйствительно страдаетъ вслѣдствіе закрытія учебныхъ заведеній и остановки одной изъ важнѣйшихъ жизненныхъ функцій страны; прекращеніе просвѣщенія не могло быть приятно ни правительству, ни студенчеству, которое при закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ вычеркнуто изъ жизни и не играетъ никакой политической роли. Въ виду этого компромиссъ представлялся возможнымъ и необходимымъ при нѣкоторыхъ взаимныхъ уступкахъ какъ правительства, такъ и крайнихъ партій студенчества. На этомъ и былъ построенъ планъ возобновленія занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при условіи допущенія въ нихъ митинговъ, ограниченныхъ по числу участниковъ и по содержанію. Условія эти были слѣдующія: 1) Для митинга въ учебномъ заведеніи отводится Совѣтомъ заведенія опредѣленное помѣщеніе. 2) Число посѣтителей, находящихся одновременно на митингѣ, ограничивается Совѣтомъ въ зависимости отъ величины помѣщенія и условий безопасности публики, которая впускается въ помѣщеніе по контрамаркамъ, число которыхъ устанавливается Совѣтомъ. Впускъ публики на митингъ контролируется его устроителями. О митингахъ печатаются объявленія въ газетахъ съ указаніемъ на ограниченный доступъ. 3) Предсѣдатель митинга останавливаетъ ораторовъ въ слѣдующихъ случаяхъ: а) призыва къ вооруженному восстанію; б) оскорбленія личности монарха.

Я привожу здѣсь эти условія in extenso вслѣдствіе того, что они были переданы не вѣрно въ нѣкоторыхъ газетахъ. Такъ, напр., въ «Сынѣ Отечества» было сообщено, что Университетская Комиссія предлагала студентамъ допускать на митинги только интеллигентовъ, потребовала увѣдомленія о митингѣ за 3 дня, установила отвѣтственность председателя и пр. Между тѣмъ представители Университетской группы въ бюро академическаго союза удостовѣрили, что университетская Комиссія предлагала именно приведенныя выше условія, при составленіи коихъ имѣлась въ виду одна цѣль: сдѣлать ихъ пріемлемыми какъ для студентовъ и совѣтовъ, такъ и для правительства.

Казалось, что эти условія могутъ быть приняты студенчествомъ. Въ случаѣ принятія ихъ студенчествомъ, Совѣты могли бы потребовать отъ Правительства открытія учебныхъ заведеній и они были бы открыты, такъ какъ неудовлетвореніе этого требованія поставило бы Правительство въ слишкомъ невыгодное положеніе.

Въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ приведенныя условія были предложены на обсужденіе студенческихъ организацій, но онѣ дали одинъ отвѣтъ: что студенты требуютъ открытія учебныхъ заведеній и не принимаютъ никакихъ условій. Только въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія студенты на сходкѣ рѣшили принять приведенныя выше условія, но зато Совѣтъ Института не согласился требовать его открытія на этихъ условіяхъ, причемъ противъ допущенія даже ограниченныхъ митинговъ выставлялось соображеніе о возможности нападенія черной сотни.

Такимъ образомъ и эта попытка открытія учебныхъ заведеній оказалась совершенно безрезультатною. Послѣ того огромное большинство студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній разѣхалось, и не было возможности предпринять что либо для возстановленія дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ виду неопредѣленности положенія высшихъ учебныхъ заведеній и слабой лишь надежды на открытіе ихъ съ января 1906 года въ Петербургскомъ бюро академическаго союза вновь былъ возбужденъ вопросъ объ открытіи ~~всѣхъ~~ высшихъ школъ и народныхъ университетовъ, возбуждавшійся и помимо бюро въ нѣсколькихъ группахъ профессоровъ и преподавателей. Съ цѣлью болѣе широкаго возбужденія этого вопроса, бюро разослало во всѣ мѣстныя группы мой докладъ по этому предмету. Мѣстныя группы, на сколько извѣстно, отнеслись сочув-

ственно, но въ бюро поступилъ также отзывъ одной группы, отнесшейся къ докладу отрицательно, повидимому потому что, по мнѣнію группы, возбужденіе вопроса о вольной высшей школѣ можетъ заслонить собою главный вопросъ и главное требованіе группы: открытіе высшихъ учебныхъ заведеній. —

Въ дальнѣйшемъ я постараюсь охарактеризовать главнѣйшія теченія, имѣвшіяся до настоящаго времени въ академическомъ союзѣ по вопросу объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній въ связи съ вопросомъ о митингахъ.

Довольно большая группа лицъ требовала немедленнаго открытія учебныхъ заведеній независимо отъ того, будутъ ли происходить митинги или нѣтъ, будучи вполне готова мириться съ митингами въ томъ видѣ, какъ они происходили раньше, лишь бы параллельно съ митингами шлѣ, хотя бы плохо, и занятія. Эта группа ставила въ вину академическому союзу то, что онъ до сего времени не добился открытія учебныхъ заведеній.

Къ сожалѣнію, эта группа упускала изъ виду слѣдующія обстоятельства.

Добиться открытія учебныхъ заведеній въ прошломъ полугодіи могли развѣ только Совѣты высшихъ учебныхъ заведеній, но никакъ не академическій союзъ. Поэтому члены академическаго союза, желавшіе открытія, должны были дѣйствовать не на бюро академическаго союза, и не къ нему направлять свои требованія, а въ Совѣты высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ отношеніи, насколько мнѣ извѣстно, ничего сдѣлано не было. Впрочемъ, я полагаю, что большинство Совѣтовъ къ такимъ требованіямъ отнеслось бы отрицательно, а въ случаѣ положительнаго отношенія ничего не могло бы добиться отъ правительства. Во всякомъ случаѣ академическій союзъ тутъ ни при чемъ, и нужно примириться съ тѣмъ, что онъ всегда будетъ совершенно безсиленъ при закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ тогда не можетъ развѣтываться его флагъ академической свободы и автономіи. Развертываніе же этого флага надъ пустыми зданіями высшей школы никогда не будетъ производить внушительнаго впечатлѣнія.

Вторая группа относилась къ митингамъ отрицательно. Мнѣнія этой группы совершенно ясно выражены проф. Гредескулъ въ его статьѣ, напечатанной въ № 40 журнала «Право».

«Университетъ можетъ и долженъ дать мѣсто въ своихъ стѣнахъ не только студентамъ, но и постороннимъ лицамъ; онъ

долженъ предлагать тѣмъ и другимъ политическое воспитаніе отъ имени науки и истины. Но все это должно быть дѣлаемо отъ имени университета и съ сохраненіемъ университетской сущности совершаемаго. Это должно быть засѣданіе ученаго общества, засѣданіе студенческаго кружка, публичная лекція университетскаго преподавателя; во всѣхъ этихъ случаяхъ желательнаго присутствіе посторонней публики: желательны и допустимы пренія съ участіемъ постороннихъ лицъ. Но когда какая либо изъ этихъ академическихъ формъ превратится въ народный митингъ, когда народная масса, путемъ вторженій въ зданіе университета или путемъ допущенія неопредѣленнаго и любого числа желающихъ войти, опрокинетъ академическую форму, замѣнивъ ее митингомъ, тогда уже университета, высшей школы не будетъ, а будетъ, какъ этого и желаютъ производящіе такое превращеніе, — народный митингъ.

«Желательны ли и нужны ли намъ народные митинги, обще-гражданскія собранія, свобода слова и пр.? О, конечно! Они намъ нужны теперь, какъ свѣтъ и воздухъ, и потому, какъ постановило петербургское отдѣленіе академическаго союза, при наличныхъ условіяхъ ихъ устройству нельзя противодействовать. Поэтому свободу митинговъ надо завоевывать и завоевывать тамъ, гдѣ имъ и слѣдуетъ быть: въ общихъ помѣщеніяхъ, а не въ стѣнахъ университетовъ. Въ университетахъ — они могутъ быть только украдкой или попущеніемъ начальства, а между тѣмъ они нужны намъ открыто и какъ наше право. Лучшимъ доказательствомъ сейчасъ сказаннаго служить то, что въ Петербургѣ полиція не препятствуетъ входу постороннихъ лицъ въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній. Но развѣ этимъ завоевывается общее право митинговъ и собраній? Вовсе нѣтъ, — вопросъ о послѣднихъ, какъ вопросъ общій, остается на мѣстѣ».

«Итакъ, намъ нужны университеты и намъ нужны четыре общія свободы. Но, добываясь послѣднихъ черезъ университеты, мы опрокидываемъ послѣдніе и не завоевываемъ первыхъ».

Третья группа членовъ академическаго союза находила митинги въ какой либо формѣ вообще недопустимыми въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, полагая, что митинги всегда будутъ вносить въ высшую школу ненормальную политическую атмосферу, при которой занятія наукою невозможны.

Всѣ три точки зрѣнія въ семьѣ академическаго союза имѣли многочисленныхъ сторонниковъ и едва ли могла быть найдена

почва для ихъ примиренія. Въ виду разнообразія мнѣній и въ Совѣтахъ не могло установиться вполне однообразнаго отношенія къ митингамъ.

Это неоднобразное отношеніе поддерживалось также разнымъ отношеніемъ къ содержанію митинговъ, которое далеко не было направлено къ тому, что можно назвать политическимъ воспитаніемъ народа.

Представляется очень вѣроятнымъ, что съ разнымъ отношеніемъ разныхъ группъ къ митингамъ мы встрѣтимся еще разъ въ академическомъ союзѣ и по отношенію къ вопросу объ открытіи учебныхъ заведеній въ январѣ 1906 года.

Одна группа членовъ союза будетъ требовать открытія учебныхъ заведеній и резолюціи на случай если бы были приняты какія либо мѣры по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ въ случаѣ возникновенія митинговъ.

Вторая группа признала бы вѣроятно полезнымъ, чтобы въ резолюціи было подчеркнуто, что единственный путь дальнѣйшаго освободительнаго движенія ведетъ черезъ Государственную думу, что единственное полезное дѣло въ настоящее время есть предвыборная агитація и собираніе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ страны для проведенія въ Думу своихъ кандидатовъ, но что учебныя заведенія, въ интересахъ просвѣщенія, должны быть освобождены отъ политической агитаціи. Эта группа будетъ требовать открытія учебныхъ заведеній въ надеждѣ на то, что ослабленное революціонное движеніе не будетъ больше нуждаться въ учебныхъ заведеніяхъ для своихъ цѣлей.

Но будетъ и третье теченіе, будетъ группа, убѣжденная въ томъ, что созывъ студентовъ въ большіе города подвергнетъ ихъ опасности столкновеній въ учебныхъ заведеніяхъ и на улицахъ, что митинги будутъ созываться, что могутъ произойти захваты учебныхъ заведеній митингами вооруженныхъ людей и что, въ лучшемъ случаѣ, учебныя заведенія придется вновь закрыть вскорѣ послѣ ихъ открытія. Эта группа не будетъ склонна открывать учебныя заведенія въ наступающемъ учебномъ полугодіи.

Всѣ эти теченія будутъ имѣть своихъ представителей и въ Совѣтахъ и потому позволительно думать, что и рѣшенія Совѣтовъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ будутъ разными, главнымъ образомъ въ зависимости отъ разныхъ мѣстныхъ условій.

Вѣроятно на рѣшенія Совѣтовъ въ томъ или другомъ смыслѣ окажутъ вліяніе численность и настроеніе студентовъ, а также мѣстные условія того города, гдѣ учебное заведеніе находится; не малое значеніе будетъ имѣть для рѣшенія вопроса то, связано ли съ учебнымъ заведеніемъ обширное общежитіе или нѣтъ.

По моему мнѣнію, съѣздъ академическаго союза всталъ бы на неправильный путь, рекомендовавъ какое либо общее рѣшеніе для всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи; даже по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ одного города, напр. Петербурга или Москвы, такое общее рѣшеніе было бы вѣроятно неправильнымъ, такъ какъ оно могло бы болѣе или менѣе связать свободныя мнѣнія членовъ союза, состоящихъ членами совѣтовъ и оказать давленіе на ихъ совѣсть.

Но вѣроятно съѣздъ оказалъ бы услугу дѣлу просвѣщенія, если бы онъ рекомендовалъ сдѣлать попытку къ открытію высшихъ учебныхъ заведеній всюду гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, такое открытіе имѣетъ шансы на успѣхъ, и если бы онъ рекомендовалъ правительству и студенчеству беречь учебныя заведенія во имя науки и просвѣщенія.

21

А. Брандтъ.

12 января 1906 г.